

Комиссия Балка

6 июля 1918 года в Ярославле началось вооруженное выступление противников советской власти. В очередную годовщину тех трагических событий в истории нашего города «Северный край» публикует статью профессора ЯГПУ имени К. Д. Ушинского Евгения Ермолина, много лет посвятившего их изучению.

В этом году в Москве вышла книга «Ярославское восстание. 1918», которой мы с В. Козляковым подвели предварительный итог изучения драматической исторической конвульсии. Все главные документы по истории восстания теперь собраны под одной обложкой и прокомментированы. Ну а из того, чего в книге нет, наибольшего внимания заслуживает, как мне кажется, один любопытный текст.

Это немецкий взгляд на события. В нашу книгу вошли выдержки из дневника немецкого дипломата барона фон Ботмера, представителя верховного главнокомандования при немецкой дипломатической миссии в Москве. (Он впервые был частично опубликован в печати и целиком выложен в Сети известным историком Юрием Рельштайном).

Но Ботмер сидел в Москве. А в Ярославле в это время развелась свою работу немецкая комиссия по репатриации военнопленных (переставших уже, «стать, таковыми быть после Брестского мира, фактически капитуляции советской России, но вынужденно пребывавших пока в Поволжье, до своего возвращения в Германию).

Полторы тысячи немцев оказались в эпицентре военных действий. В основном это были бывшие солдаты германской армии. От того, что с ними случится и как они себя поведут, зависело многое.

Восставшие, как известно, провозгласили свою приверженность общим обязательствам стран Антанты. То есть оказались в состоянии войны с Германией. Автоматически немцы снова стали военнопленными. Парадокс в том, что на исходе восстания, когда стало ясно, что оно закончится поражением, многие лидеры восставших сочли достойным и спасительным сдать в плен не красным, а принципиально военному противнику — немцам. Вероятно, это действительно более достойный путь. Но, увы, спасительным он не оказался.

С другой стороны, у большевиков возникли подозрения, что ярославские немцы помогали восставшим. И даже собирались взять город в свои руки. После подавления восстания в город была снаряжена специальная инспекция — небезызвестный Карл Радек и немец Гербер. За пару дней они пришли к выводу, что обвинения против немецкой комиссии ложны. Вот как пишет об этом Ботмер: «Поведение наших офицеров в этой чрезвычайной и сложной ситуации было и разумным, и тактическим. Умело лавируя, затем в решительный момент приняв правильное решение, они сумели предотвратить почти неизбежное вовлечение доверенных им многочисленных пленных в водоворот событий и тем самым снять с себя подозрение в том, что комиссия попечения занимается политической деятельностью, что могло бы полностью парализовать ее дальнейшую

работу. Немецкий лейтенант везде на месте и сам при необходимости может успешно выступать в роли дипломата и блюстителя авторитета Германии. Русское правительство на основании отчета Радека признало свою ошибку и было, таким образом, удовлетворено».

Далее Ботмер, скорей всего со слов Гербера, замечает: «Ярославль, ранее процветающий город, известный своими постройками и произведениями искусства, в результате обстрелов и возникших в связи с этим пожаров, которые никто не тушил, наполовину уничтожен. Среди небольшевицкого населения красные провели суровую расправу за стремление к политической свободе. Правительство сообщило в прессе, что по закону военного времени «по приказу комиссара» расстреляно 350 человек, в большинстве бывших офицеров и служащих, в остальном — зажиточных граждан, много студентов».

Интеллект его дает, однако, некоторый сбой, когда он, порицая связанных с восставшими французов и англичан, начинает рассуждать о том, как оценить итоги подавления восстания и куда вообще идет Россия. Вот, напоследок, еще один его пассаж: «Мы, немцы, испытывающие после всего пережитого только презрение и ужас перед диктатурой пролетариата, в действительности являющейся диктатурой ограниченного числа людей, полных ненависти и мстительности, испытывая такое чувство, не имеющее ничего общего с расхождением политических взглядов, все-таки можем приветствовать победу советского правительства. Его поражение означало бы победу Антанты и новую войну на востоке. Надо надеяться, что власть коммунистов-семитов (Ботмер, как видим, политический антисемит. — Е.) в недалеком будущем все-таки падет, что ей на смену придет правительство из тех людей, которые понимают значение честной дружбы с Германией. Очевидно, что Россия сможет перейти к фазе сложнейшего строительства и законности только после долгой борьбы и периода правления одного или нескольких переходных правительств социал-революционного или меньшевистского толка. Такое развитие событий возможно только при помощи извне».

А вот, собственно, и сам документ, который (по издательским срокам) не попал, к сожалению, в нашу книгу. Это приложение к запискам Ботмера: выложенные в Сети Фельштинским выдержки из отчета германской комиссии в Ярославле, написанного руководителем комиссии лейтенантом запаса Балком. Текст красноречивый и после данного выше комментария не требующий, кажется, дополнительных пояснений.

«Третьего июля прибыл транспорт с немецкими военнопленными в составе около 1000 человек из Уфы. Вместе с военнопленными, присоединившимися в пути, а также вместе с прочими невоенными транспортами степень загрузки лагеря, находящегося в ведении немецкой комиссии, в этот день увеличилась с нескольких сотен до 1500 человек. Было предпринято все возможное для обеспечения отправки этого транспорта. Вечером 5 июля было полу-

чено разрешение русских властей на его отправку. Предполагалось, что 6 июля лагерь будет полностью разгружен.

В 4 часа утра 6 июля в Ярославле была насильственно свергнута русская советская власть, и город перешел в руки вооруженной власти, провозгласившей себя как Ярославское отделение Северной Добровольческой армии. Этой вооруженной власти удалось закрепиться в центре города, тогда как правительственные войска (Красная армия) отошли в пригороды и заняли там временные оборонительные позиции. Уже в ночь на 7 июля Красная армия перешла в наступление и нача-

ности, спасательной команде, во главе которой были состоящие в штате комиссии фельдфебель Шмидт и унтер-офицер Мункельт, удалось спасти наиболее ценные вещи и переправить их в город. Все обитатели лагеря — военнопленные, гражданские пленные с женщинами и детьми, в том числе венгры, австрийцы, поляки, а также военнослужащие Красной армии, укрывшиеся в нем — все они к 8 часам вечера под вооруженным конвоем были переправлены из зоны лагеря, оборона которого стала невозможной, в черту города.

Поскольку со стороны конвойных команд не было пред-

ские кварталы. Что не сгорело, уничтожалось артиллерией. Городской театр от артобстрела не пострадал — видимо, потому, что Красной армии было известно о размещении там лагеря военнопленных. Но все же не удалось избежать серьезных разрушений и в нем, в том числе и от прямых попаданий. Было несколько убитых и немало раненых.

Сгорело большая часть города, оставшаяся — лежала в развалинах. Положение города становилось все более отчаянным. Становилось ясным, что если город не попадет в руки какой-нибудь из сторон, то там может быть уничтожено все живое.

Стали обдумывать возможность вывести пленных куда-нибудь из города, делались самые немислимые попытки в этом отношении. И все же нельзя было избежать человеческих жертв. Руководство комиссии мучительно искало какой-нибудь выход из положения. Под ее ответственностью было 1500 человек, и их нужно было вывести из этого ада ненависти, огня и всяческих опасностей. Все это время было ясно, что безответственно вовлекать этих людей в какую-либо авантюру, исход которой представлялся сомнительным. А пока что здание театра давало хоть какую-то защиту, и прокормить людей все еще можно было, хотя бы в той степени, чтобы поддерживать их жизнь.

Так как военный успех не сопутствовал Северной армии и так как соотношение сил с каждым днем менялось в пользу осаждавших город частей Красной армии, то штаб мятежников стал в корне менять свое отношение к военнопленным лагеря. 16 июля руководитель комиссии был выпущен на свободу, были учтены некоторые неотложные пожелания лагеря в части продовольствия и снабжения другим необходимым для жизни. Одновременно штаб мятежников обратился к немецкой комиссии с просьбой предоставить в его распоряжение около 250 добровольцев из числа военнопленных, которые стали бы воевать против Красной армии на тех же условиях довольствия, что и остальные части мятежников, то есть под началом этого штаба.

Поскольку военнопленные все еще находились во власти мятежников и с этой стороны на основании своего богатого опыта могли опасаться самого худшего, то мятежникам не было дано окончательного ответа или однозначного отказа. Прежде всего лагерь испросил у штаба достаточное количество продовольствия, для того чтобы люди могли хоть как-то восстановиться физически. Для этого потребовалось бы примерно 5 — 10 дней.

20 июля штаб восставших предложил заявить о своей готовности сдать немецкой комиссии. Так как штаб еще 8 июля официально заявил ее представителям, что Северная армия находится в состоянии войны с Германией, руководитель немецкой комиссии, как старший по воинскому званию среди подданных Германии в лагере, счел себя вправе и даже вынужденным принять такую сдачу в плен. Тактическое, военное разоружение и пленение противника после тщательного обсуждения было возложено на лейтенанта Мюллера. По окончании всех военных приготовлений штабу было заявлено, что

немецкая комиссия принимает факт сложения оружия. 21 июля в 2 часа утра штаб заявил о своей сдаче в плен немецкой комиссии, после чего началось его разоружение.

До сих пор не представлялось возможным связаться с Красной армией. Было также, по меньшей мере, сомнительным, признают ли и выполняют ли подчиненные штабу части саму операцию сдачи оружия. Кроме того, не было четкого представления и о настроениях среди населения города. Поэтому комиссия должна была взвесить все возможные варианты и быть готовой к любым неожиданностям, а также предусмотреть вероятность того, что в последующем русская советская власть города сделает комиссии упрек в некоторой формальной некорректности.

Немецкая комиссия на одной минуте не планировала занять в Ярославле какие-либо объекты или иным образом пойти на политические акции. В продолжение нескольких часов, начиная со сдачи мятежного штаба в плен и до вступления в город частей Красной армии, город фактически находился в руках немецкой комиссии — такое положение оказалось просто неизбежным в возникших конкретных условиях. Со стороны самих советских властей были даже просьбы о целесообразности временной передачи исполнительной власти в городе в ее руки.

Подобные просьбы поступали с различных сторон, в частности, от представителей граждан города, предложивших ее представителям наличие своей городской кассы в размере 60 миллионов рублей на том основании, что в руках немецкой комиссии эти деньги будут в наибольшей сохранности. В течение второй половины дня город постепенно переходил в руки советской власти. Вечером по требованию штаба Красной армии все отбитое у мятежников оружие и сам пленный штаб Ярославского отделения Северной Добровольческой армии были переданы Красной армии. 1500 немецких пленных были оставлены пока в черту города в здании театра. Необходимо в наиболее короткий срок отправить их на Родину после всего перенесенного ими здесь».

...и все-таки несколько слов вдогонку.

Большая подставка дает рельефный обзор восстания, раскрывает подробности жизни в осажденном красными Ярославле, которые не всегда очевидны.

Как видим, именно Балка принял решение сначала принять капитуляцию восставших, а потом выдать сдавшихся ему в плен красным. Был ли у него другой выход? Очевидно, что его в первую очередь волновала судьба вверенных ему соотечественников. И он пошел на уступки, на которые мог бы и не идти. В любом случае это выглядит не очень красиво. Или совсем не красиво. И уж явно не по-рыцарски. Ведь к примеру, восставшие не требовали от Балка выдать им «военнослужащих Красной армии, укрывшихся в лагере» немцев. — и эти военнослужащие, вероятно, уцелели и спаслись... Больше того, осознаем то, о чем в документе сказано между строк: повстанцы сделали реально все возможное для сохранения жизней немцев. И если кто из них погиб, то, как пишет Балк, от огня красных. Да и сам Балк, арестованный на девять дней, не весьма пострадал.

Но логика гласного и негласного сговора с большевиками привела Балка к решению сдать пленных. Как известно, всех их после этого немедленно убили без суда и следствия. Убили, да. Убили.

Евгений ЕРМОЛИН.

ла интенсивный обстрел города. Названный лагерь находился в зоне боевых действий, однако, пока что мало пострадал от артобстрела. 7 июля бои постепенно переместились в район лагеря. Вечером 6 июля в лагерь верхом прибыл некто полковник Ташинский, на которого штабом Ярославского отделения Северной Добровольческой армии было возложено санитарное обеспечение города. Он попросил доложить ему о положении военнопленных и пообещал сделать немедленно необходимые распоряжения относительно продовольствия лагеря.

К полудню 7 июля, когда лагерь уже находился под сильным обстрелом, названный полковник снова прибыл в лагерь и заявил руководству немецкой комиссии, что немецкие военнопленные должны теперь активно включиться в боевые действия, а именно против Красной армии. Он не говорил прямо, однако, дал понять, что в случае отказа лагерь, во-первых, не получит продовольствия и, во-вторых, будет взят под артобстрел; что далее будут приняты меры даже против попыток побега из лагеря, поскольку его территория может простреливаться пулеметным огнем. Ташинский приказал выстроить все подразделения военнопленных лагеря и обратился к ним с соответствующей продолжительной речью с различными обещаниями и с вышеназванными угрозами. Руководством Ташинскому на это был дан уклончивый ответ с целью выиграть время. Этот ответ на первое время удовлетворил его. Он покинул лагерь, заявив, что во второй половине дня доставит оружие.

8 июля лагерь находился под сильным обстрелом. Вблизи начались пожары. Около 7 часов пожар перекинулся в лагерь, который нужно было эвакуировать. С величайшим трудом, в постоянной смертельной опас-

принято ничего для размещения такого большого числа людей на новом месте, а также для защиты их от непрерывного артобстрела, не говоря уже об обеспечении продовольствием, руководителем комиссии направился в штаб восставших, чтобы позаботиться о самом необходимом. В этом штабе он был арестован и находился под арестом в течение девяти дней.

Между тем пленные из лагеря были размещены в здании городского театра и содержались там под сильной охраной. Обращение с ними со стороны охраняемых команд было возмутительное, кормили пленных так скудно, что у них возникли тяжелые заболевания. Всякое снабжение пленных было затем прекращено. И если удалось сохранить жизнь всем этим заболевшим, то только благодаря самоотверженности и мужеству нескольких человек, которые, несмотря на опасность быть схваченными и расстрелянными повстанцами, направились в город, чтобы раздобыть продовольствие. Уже 10 июля в результате обстрела во всем городе был выведен из строя городской водопровод, а берег Волги, начиная с 11 июля, держался под столь сильным обстрелом Красной армии, что набирать там воду стало невозможно даже с наступлением темноты. Все попытки доставки воды из реки кончались неудачей как для военнопленных, так и для жителей города и для самих восставших. Приходилось довольствоваться лишь дождевой водой, собираемой во всевозможные емкости. Даже из водосточных канав и луж приходилось собирать последнюю воду с помощью ложек.

Обстрел города из легких и тяжелых артрудий Красной армии и непрерывный стрелковый и пулеметный огонь усиливался. Из-за нехватки воды быстро распространялись пожары, которые уничтожали целые город-